Олег Хлебников

На небесном дне

Олег Хлебников

На небесном дне

«WebKniga»

2013

Хлебников О.

На небесном дне / О. Хлебников — «WebKniga», 2013

У Олега Хлебникова сложилась книга, которую он сам назвал романом в поэмах. Сложилась как жизнь. Как сказал двадцать с лишним лет назад Давид Самойлов – «в стихах Олега Хлебникова есть картина мира». Судьба лирического героя (вряд ли он многим отличается от автора) и судьбы окружавших его людей складываются на фоне отечественной истории. Да они сами и есть эта история. И тот совсем ближний круг, кого автор считает братьями – Юрий Щекочихин, Александр Аронов, «Толик, Андрюшка, Пашка»… И соседи по поэме «Улица Павленко» в Переделкине: Борис Пастернак, Корней Чуковский, Булат Окуджава, Арсений Тарковский, Иосиф Бродский, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко – «И слово друг / вместе с отцом и сыном / троицу составляло…».

© Хлебников О., 2013
© WebKniga, 2013

Содержание

От автора 6
Переулок 7
Пролог 7
1 7
2 8
3 8
4 9
5 10
6 10
7 11
I. Кубик Рубика 13
Хроника одного двора 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Олег Хлебников
На небесном дне. Роман в поэмах с комментариями

© Олег Хлебников, 2013
© «Время», 2013

От автора

Этот «роман в поэмах» писало время. Почти тридцать шесть лет писало. Я пытался только уловить всхлипы и гул времени, которого, как известно, вроде бы и нет. И – по возможности – перевести всё услышанное и недослышанное на русский – по Блоку, преодолевая бездну своей оглушительной бездарности.

Что получилось, судить не мне. Но знаю, что точно удалось: вместить в строчки – хуже-лучше – полвека собственной, как-то осознанной жизни, происходившей не в пустоте, а в стране, которая приходила в себя после большевистского изнасилования и сталинского террора. До сих пор не пришла.

Плюс к тому какие-то протуберанцы совсем уж прошлого и будущего…

Существует документальная проза. Возможна ли документальная поэзия? Не знаю. Но «На небесном дне» – попытка именно в этом роде. Непроизвольная. Просто не умею писать о том, чего не было или не могло бы, по моему мнению, быть.

Очень не люблю (определение Мандельштама) «переводы готовых смыслов» и, только когда «несёт» неизвестно куда, начинаю чувствовать поэму.

Писать поэмы в наше время кажется безумием. Когда стихи-то не читают! Но именно поэтому интересно. Вопреки и благодаря.

Когда находишься внутри поэмы, испытываешь счастье. Это путешествие в другой мир, который, может быть, тебе всего лишь казался, но, воплощённый в слове, уже существует.

Строить миры – задача не только Творца, но и любого творящего что-то. Даже, наверно, любой твари. Началось с ветхого Адама, дававшего предметам и явлениям имена.

И вот – очень хочется сохранить имена. Тех, кто дорог. Я не умею и не хочу – на мраморе или граните. Более прочным материалом кажется мне слово.

А ещё есть робкая надежда, что те несколько жизней, которые уже прожил лично я и которые отразились в этих поэмах, захотят прожить, в них погрузившись, хотя бы несколько читателей.

Кстати (крючок для читателя), это самый простой способ продления собственной жизни! Продления на другие – воспринятые и прочувствованные.

Беда, увы, с восприятием стихов. Их у нас в последние много лет разучились читать – надо бы снабжать, как ноты, разными знаками: крещендо, диминуэндо… Надо бы предложить издателям с этими знаками стихи печатать…

Но нет более ёмкого способа передачи информации – эмоциональной, прежде всего, – чем стихи. В этом смысле книжка, которая перед Вами, только кажется тоненькой.

Прошу Вас, читатель, ударяя при чтении правильно, попытаться прожить вместе со мной лишние полвека. Спасибо.

А комментарии – это для тех, кто захочет узнать что-то не вместившееся в стихи про реальных героев поэм или про обстоятельства их (поэм) появления на свет.

Переулок

Пролог

Переулочек, переул…
Горло петелькой затянул.
А. Ахматова

1

Детдома и ларька соседство —
один из переулков детства,
где до сих пор покоя нет,
где время в склянках, время в банках,
в расспросах, слухах, перебранках —
меняется на горсть монет,

где моё детство побывало,
вставало в очередь, играло
ледышкой около ларька
и на детдомовские окна,
всегда затворенные плотно,
глядело из-под козырька,

где из пословиц миллиона
«Болтун – находка для шпиона» —
всего одну запомнил я,
где дядьки в кожаных ушанках
и тётки в сизых полушалках
искали крайних
и края

неведомые представляли,
края, простёршиеся дале, —
за телевышкой, за горой…
края, где я ни разу не был,
где явно закруглялось небо,
срастаясь с дымкой городской…

Такой обычный переулок,
где каждый шаг бывает гулок
и каждый шаг неповторим,
пространство, что в себя вместило
людские судьбы – судьбы мира,
и всё не расстаётся с ним…

2

В проулке за детдомом старым,
у пункта по приему тары
толпится, как всегда, народ —
что принимают, всё сдаёт.

Бездумно-мудрые старухи
иконно складывают руки.
Коричневые сумки их
полны бутылок дармовых.

У ног мешок со стеклотарой —
какой-то человек усталый
стоит, касаясь головой
клочка проблемы мировой.

А девочка с двухлетней дочкой —
со стеклотарой непорочной —
проблемы не касается:
дочь за подол цепляется.

У Марьивановны в авоськах,
как будто капельки на вёслах,
блестят стекляшки. Вся она,
как в мысли, в них погружена.

С ней рядом отставной полковник.
Чтоб миру о себе напомнить,
пришёл, принёс бутылок пять
как повод в очереди встать.

И вот – по очереди этой,
как кистью, временем задетой,
по очереди по живой,
текущей поперёк и вдоль,
передаются факты, мненья,
сомненья и опроверженья…

3

Стояние в очередях
не столь способствует мышленью,
скорее – семечек лущенью
и мутной мудрости в очах.

Стояние в очередях
ведёт к такому разговору,

который вспыхивает скоро
и увязает в мелочах.

И снова – лишь один зачах —
другой подобный возникает.
Такой порядок вызывает
стояние в очередях.

Рассказ – сочувственное «ах!»,
лихая шутка, злая ссора…
Моя пожизненная школа —
стояние в очередях.

Не различить издалека
очередей предназначенье…
Как терпеливо их теченье! —
как среднерусская река.

4

…И Марьивановна сказала:
– Уж больно ящиков-то мало, —
вздохнула, – могут не принять
посуду… —
замерла опять.

Забеспокоились старухи.
Одна шепнула:
– В одни руки
больше пятёрки не дают!
Остатки задарма берут!..

– Эх, мать! – прищурился полковник
светло, как довоенный школьник. —
Всё вам дадут. Без па-ни-ки!.. —
И засмеялись мужики.

И тут повеяло годами
иными. Из далёкой дали
какой-то силуэт возник,
иным очередям двойник —

в будённовке, косоворотке…
Нет, в гимнастёрке и пилотке.
Сначала встал за кипятком…
За кашей кирзовой – потом…

Вот – превратился в инвалида
в шинельке, офицерской с вида.

За ним в колонну встали вдруг
солдатки, дети, бабка, внук…

И как-то стало очевидно,
что лезть без очереди стыдно.

5

Но что же стало с переулком?
Раздвинулся? Совсем пропал?..
Наполнился гуденьем гулким
и – площадью базарной стал.

Из деревень пришли подводы.
К прилавкам встали кустари.
Толпа заполнила проходы.
И крики «Налетай! Бери!» —

как сизари, с земли взлетели!
Старьёвщик пел: «Берём старьё…»
И пайщик для своей артели
брезгливо выбирал сырьё.

Вот водовоз с дощатой бочкой!
А вот и Марьиванна с дочкой:
то ль продавала, то ль брала,
то ль на смотрины дочь вела.

– Хошь лясы, хошь ножи поточим! —
кричал точильщик тощий очень.
И удирал, не чуя ног,
малец, стащивший пирожок…

Детдом —
вновь делался трактиром.
И высилась над этим миром,
как поминальная свеча,
пожарная каланча —
которая потом сгорела
дотла.
Но разве в этом дело?

6

Другие времена мелькнули —
вдогонку просвистели пули.
Другие люди в свой черёд
пришли. Нет – в очередь скопились,
«Кто крайний?» – справились, столпились

и ждут, когда до них дойдёт…

А где же тот красноармеец,
в будённовке? Где тот лишенец
с извечным «Налетай! Бери!» —
страдавшие душой и телом
за правое, конечно, дело —
за угнетённых всей земли?

Где морячок с мечтой раздольной
о революции – не больно
какой, а сразу – мировой?..
С красноармейцем где-то вместе —
там, на ветрах, гремящих жестью,
застыли —
там, в эпохе той…

А где старьёвщик непременный?
Что ж не дождался перемены
в делах? Ему б сейчас старьё
давали даром! Не дождался.
В годах голодных затерялся.
Сменил занятие своё?

А многие из той окрошки
здесь. Инвалид – на «запорожце».
А вот артельщик – на «форде»…
Связать всё это воедино! —
какая странная картина
коловращения идей

получится… Но это трудно.
И мудренее ночи утро.
А к переулку ночь идёт.
Ведь даже в маленьком пространстве,
вернувшись из далёких странствий,
свершает время свой полёт…

7

Над переулком вечер засинел.
Зажгла огни, растаяв, телевышка —
как будто городок расправил крыши,
включил сигнал и в небо полетел.

В детдомовских окошках свет возник
и проявил воспитанников лица,
высокий шкаф и стены – как страницы
зачитанных и пожелтевших книг.

И заблестели склянки у ларька,
не принятые из-за повреждений,
незаурядных форм и оформлений…
Вечерний ветер трогал их бока.

В конце проулка, в гибком фонаре,
похожем шеей на плезиозавра,
как свет дневной, уже рождалось завтра.
Магнитофон старался во дворе,
соседнем с переулком…

I. Кубик Рубика

Хроника одного двора

Памяти Анатолия Берладина, друга, театрального режиссёра

ПРИСМОТРЕН БЫЛ СТАРУХАМИ СЛЕПЫМИ,
калеками после гульбы
и дурачком, переменившим имя
на радостное прозвище – Биби.
Обучен был Пожарником учёным
и местность изучать привык:
вот сам Пожарник, вот старуха в чёрном,
а вот Биби гудит, как грузовик…
Би-би-би! Ду-ду!
Птицам-курам на беду!..
Калека пел ночами про «Варяга».
Пожарник спал. Наездившись, Биби
дремал в саду. Из поднебесья влага
лилась, лилась… И всё размыла бы —
когда б и так уже не размывало
иным потоком глину наших тел.
Биби – сначала. Как страна рыдала! —
би-би-би-би… – Я прибавляю мало —
одну тебя я выдумать сумел.

ОДНУ ТЕБЯ Я ВЫДУМАТЬ СУМЕЛ,
и ту не так. Так много было дел!
И счёта я не вёл своим потерям.
Между делами брата навещал,
и брат меня рассказом угощал,
но в достоверности я не уверен.

Брат говорил о Пушкине, что он
(при чём тут Пушкин?) был всю жизнь влюблён
в Карамзину (при чём тут Гончарова?),
сначала не ответила она,
поэт был юн, в том не её вина,
ответила – не виновата снова.
А перед смертью видеть захотел
он лишь её… Рассказ меня задел.
Какое-то в нём было совпаденье —
вот только с чем?.. И был он о любви…
При чём же тут, о господи, Биби?!
Теперь нас топчут без предупрежденья…
Потом заговорил о Кюхле брат,
об их дуэли с Пушкиным… Не рад

уж был я, что пришёл. Опять легенды!
Учебники не в силах тут помочь.
Пускай их изучают сын иль дочь…
Кабы родители – интеллигенты!

КАБЫ РОДИТЕЛИ-ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.